

Анна Плаксина

**Письма к
маме**

Анна Плаксина

Письма к маме

<https://litres.ru/74103914>

SelfPub; 2026

Аннотация

Фрагмент задуман как часть психологической повести в форме автофикшна. В центре — работа памяти в момент травмы: героиня собирает день по осколкам, где бытовые детали обретают символическую нагрузку, а избирательность воспоминаний становится главным приёмом раскрытия внутреннего состояния. Текст балансирует между документальной точностью деталей и лирической напряжённостью, исследуя темы утраты, семейной драмы и взросления через боль. Особое внимание уделено контрасту внешней стихии (гроза, взрывы) и внутренней тишины, которая оказывается громче любого крика.

Анна Плаксина

Письма к маме

Глава 1

Глава 1

Осколки памяти

Плед на двуспальной кровати — коричневый, с бледно-розовыми розами. Им мы застлали твою кровать. После того дня я его больше не видела, да и не вспоминала очень долго, будто его и не существовало вовсе. А потом он вдруг возник в памяти — не как вещь, а как знак того самого дня. И на ум пришло слово «саван». Коричневый саван.

А еще был Лёва. На десять лет вы подарили мне большого пухлого плюшевого льва с короткой гривой. Мне он казался самым чудесным и самым дорогим подарком на свете. За два года у него оторвался и бесследно пропал один глаз. Или нет? Или он оторвался позже? Не важно. Я потом подарила его подруге, не хотела, чтобы он остался и достался другой девочке, думала, что я никогда не вернусь больше ни в эту квартиру, ни в этот город. Подруга пришила ему большие изумрудные пуговицы вместо глаз, от чего Лёва стал выглядеть более харизматично и солидно. Его я сжимала до одури,

наверное, в течении часа, так что побелели пальцы, вцепившиеся в плюшевую спину, я орала в него дурным голосом, захлебываясь своими соплями.

Погода в тот день словно пыталась что-то сказать о тебе — как о хорошем человеке. Несколько дней стояла невыносимая жара, и дождь был почти закономерностью, как и гроза. Молния ударила в военные склады за городом, и боеприпасы начали взрываться с такой силой, что у нас дрожали стёкла, а в домах поблизости они и вовсе вылетали из рам. Я смотрела, как молнии вонзаются в землю где-то за горизонтом, как ветер с остервенением ломает деревья и швыряет всё, что попадает на пути. В этом хаосе я находила странное удовлетворение: пусть и мир вокруг рушится. Потом я спустилась на крыльцо и жадно глотала холодный влажный воздух — он остужал пылающие щёки и на миг возвращал ощущение реальности.

Гараж. Гараж вообще не всплывал в памяти долгое время. Думаю, потому что мне казалось это чем-то абсурдным, неправильным, как-то тебя обижающим, предающим. Знаешь, как будто это нечто такое, что стыдно показать другим. Мы сидели какое-то время в гараже в папиной машине, слушали музыку, и я не помню своих страданий в этот момент. Может быть поэтому, моя память пыталась вытеснить это гараж и эту вишневую четверку? Какая была музыка и кто именно был там с нами я тоже не помню, помню, что мы просто сидели, никто не говорил ни слова, слушали музыку

и больше ничего. Не знаю даже, зачем я туда пошла, может, не хотелось быть одной, хотя я часто потом оставалась одна не только морально, но и в пространстве нашей квартиры, часами лежала на кровати и смотрела в потолок или бродила из комнаты в комнату, ловя то облачко сладкого запаха, твоего запаха.

Отец. Его искали. Его не было нигде. Пришел он только под вечер. Сел за стол. Что-то пил, плакал и кричал. Кричал тебе, выкрикивая твое имя, говорил такие слова, которые должен был сказать намного раньше. Я стояла в коридоре и смотрела на него. Смутные чувства. Я разрывалась между ненавистью и жалостью. Я всегда винила его в предательстве по отношению к нам всем, но я всегда любила его больше всех на свете. Не помню, ночевал ли он с нами в ту ночь. Мы не говорили ни о чем таком, никто никого не спрашивал, не подбадривал и не жалел вслух. Просто что-то гнетущее всех висело в воздухе. Почему-то в моей памяти остались только слова соседки в тот день, больше я не помню никаких разговоров.

Соседка по площадке, из однокомнатной квартиры посередине. Она была санитаркой в нашей больнице, не знаю в каком именно отделении, но видела она всякое, я думаю, и ее слова, когда она зашла в квартиру, как бы подвели ту итоговую черту под моими мыслями, закрепили их в голове, подтвердили их и не оставили никакой надежды.

Хотя вру про разговоры. Я бежала сказать брату, он был в

квартире соседнего подъезда на первом этаже, как это принято было называть «блатхата». Я тормошила его за руку: пойдём, пойдём быстрее. Мы вышли в окно, просто спрыгнули на узкую полосу асфальта между домом и травой. Странный, конечно, поступок, но мы скорее всего хотели избежать ненужных вопросов. (Тоже странно, не думаю, что подростки могут так мыслить). Поднимаясь по лестнице нашего подъезда, я уже начинала причитать и плакать, на что брат мне кидал несколько раз короткое «заткнись». Он не хотел меня обижать, я знаю, но только со временем поняла, что он пытался удержать свой мир от окончательного распада в тот момент. Я напишу об этом позже. И вот когда мы вошли в квартиру, я сразу бросилась в зал по прямой, а он зашел направо на кухню, а потом вышел на площадку и постучался в дверь посередине.

Я могу сложить этот день не полностью, собирая осколки, хаотично разбросанные в моем сознании, но память ребенка в таких ситуациях избирательна, тем более, когда ребенку предстоит пережить случившееся в одиночестве.

Самый большой осколок, мам. Он последний, но самый главный. Это ты — на полу, между кухонным диваном и столом. Твой нос, прижатый ножкой стола, был тёмно-синего цвета. А предплечья... Чаще всего в моих воспоминаниях — твои предплечья: я прижималась к ним щекой, и они всегда казались мне такими нежными и прохладными. И этот растянутый след-шрам от прививки на плече. В тот день на этих

предплечьях были только синие трупные пятна.

И соседка сказала: «Конечно, всё. Вызывайте скорую». И только тогда я позволила себе закричать — в этого проклятого плюшевого льва, в его изумрудные пуговицы-глаза, в тишину, которая всё равно никого не могла спасти.